

## ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

\*\*\*

Опять декабрь, и скоро – новый год...  
Уже не жду, что в нем произойдет –  
Не все ль равно? Все было, было, было,  
Все отболело, отлетело, отлюбило.  
Летели зимы, догоняя весны,  
Все было просто и совсем непросто:  
Стихи слагались и рождались дети,  
И подлость расставляла свои сети,  
Порою в них сама же попадаясь,  
И выжигала в сердце раны зависть  
У тех, что обвиняли, обличали  
Кого-то в чем-то. В чем, они не знали –  
Какая разница? Ведь главное – облить  
Помоями того, кто смеет жить  
Успешней, чем они, смеясь и пожиная  
Плодов весомых щедрый урожай...  
Бог им судья, их вспоминать не стоит –  
Пусть старый год оставит все плохое  
Себе. А новый год подарит  
Снежинки на подмерзшем тротуаре,  
И поседевших кипарисов свечи,  
И небосвода призрачную млечность,  
И чьи-то руки, легшие на плечи,  
Чтоб подсказать тебе: еще не вечер!  
Конечно,  
Ты не вечен,  
Но –  
Еще не вечер...

\*\*\*

Родные ветки с грустью покидая,  
С чинар одежд обрывки облетают...  
Так с наших жизней, что промчались лихо,  
Сквозь радости, печали, злое лихо,  
Надежд последних облетают клочья,  
Чтоб умереть в канаве водосточной  
Под лягушачье бормотание. А впрочем...  
А впрочем, милый, все не так печально,  
Придет весна и все – опять сначала:  
Чинарам – новые зеленые одежды,  
А нам с тобою – новые надежды.

## **Осенний бульвар**

Оранжевое, желтое, багряное!  
Какой художник щедро разбросал  
Своих мазков бушующее зарево  
На серости осеннего холста?

И море чешуею серебрится  
Под неба перламутровым стеклом,  
И словно парус острое крыло  
Зависнувшей над морем белой птицы.

Бушуют краски, но их век недолог –  
Придет декабрь и облетит листва,  
Зима заявит о своих правах,  
И все здесь станет призрачно и голо.

Но тосковать об этом слишком рано –  
Все это после, после... А пока  
Так высоко кружатся облака  
Над золотым, оранжевым, багряным.

\*\*\*

Мы с тобой попутчики – случайные,  
Нам с тобою разные нужны поезда.  
А мы сели рядом нечаянно  
И едем, сами не зная, куда.

Мелькают деревья в проеме оконном,  
О чем-то болтают в соседнем купе...  
Мы мчимся, чужие, в уюте вагонном,  
И кто из нас, не знаю, глупей.

Так вот и будут рельсы тянуться  
Сквозь долгие месяцы, дни и года...  
А может, не поздно еще вернуться  
И сесть на разные поезда?

## **Читая стихи**

Мы читаем стихи...  
Так на море глядят, замирая,  
Иль на белый корабль,  
Тихо тающий в синей дали.  
Мы читаем стихи,  
Сердцем, а не умом понимая

То, чего без стихов  
Мы б понять никогда не смогли,  
То, чего передать  
Мы в обычных словах не умеем,  
Но что живо, что есть  
От рождения в каждом из нас,  
И пред чудом пред этим,  
Открытом в самих нас,  
Немеем...

\*\*\*

*Габриэле Мистраль, чилийской поэтессе  
посвящается*

В оранжевой обложке томик жаркий –  
Цвет солнца, апельсинов, цвет огня –  
Нежданным, необещанным подарком  
Легит, светясь, в ладонях у меня.

И в нем стихи – оранжевое скерцо,  
Оранжевые строки змейкой выются.  
Стихи, написанные болью сердца  
Той, что не побоялась оглянуться.

Той, чей портрет нечеткий за обложкой  
Печален так, и нас собой печалит.  
Ее стихи и манят, и тревожат:  
«Я – тот сосуд, что вровень с краем налит»...

Ее любовь бедою обернулась.  
В высоком небе вздрогнула звезда,  
Когда однажды в ночь она проснулась  
И прокричала: больше никогда! –

«И больше никогда – ни ночью, полной  
Дрожанья звезд, ни на рассвете алом?!»...  
Над ним небытия сомкнулись волны,  
И – не вернуть, и не начать сначала.

И сердца крик ложился на бумагу  
И тек по ней горячими слезами.  
О, женщина с печальными глазами,  
Исполненная боли и отваги,

В печаль и боль ступающая смело,  
Чтобы избыть их, в слово переплавляя...  
В душе твоей пылающее пламя  
Ты щедро даришь людям, Габриэла.

## **Слово**

Случалось,  
Бывало,  
Я слово теряла.  
Оно уходило,  
Оно ускользало,  
Оно извивалось,  
Оно не давалось,  
И я отступала...  
Тогда мне казалось,  
Что жалок, бессилен,  
Бесцветен мой слог,  
Что мне никогда  
Не сложить и двух строк...  
Я снова пыталась  
И путалась снова,  
Но вновь ускользало  
И пряталось слово.  
Скользило оно  
Тихим бликом во мне,  
Как солнечный зайчик  
По белой стене.  
Песком между пальцев,  
Ужом меж камней  
Проклятое слово  
Вертелось в уме.  
Казалось, оно  
Неподвластно мне было.  
Но вот, когда нервы  
И память – вверх дном,  
То, нужное, слово  
Ко мне приходило  
И падало в строчку  
Тяжелым зерном.

---